

Сергей ГОГИН Романы Гузели Яхиной

Об этом шла речь на заседании литстудии «Восьмерка» 21 января в библиотеке №8.

Роман «Зулайха открывает глаза» принес в 2015 году его автору три премии: «Большая книга», «Ясная Поляна», «Книга года». «Я хотела донести мысль о том, что даже в очень большом горе может быть спрятано зерно будущего счастья», – пишет автор о «Зулайхе...». Роман переведен на два или уже три десятка языков, по нему снят сериал, который вызвал шквал критики (почему-то не сериала, а романа и его автора). Удивительно, что при таком читательском внимании нашлись критики, которые посчитали роман «апологией бездуховности и предательства», другие отказывают автору в знании татарской жизни, один писатель назвал ее язык «примитивным», с чем категорически нельзя согласиться, особенно после прочтения второго ее романа, «Дети мои», который также завоевал премию «Большая книга» (2018). Если «Зулайха...» изначально написана как сценарий, что отразилось на языке (он простой, динамичный, жесткий), то «Дети мои» – это литература самой высокой пробы – насыщенная, образная, глубокая. (Кстати, режиссер Алексей Учитель собирается экранизировать этот роман.)

«Слишком хорошо написано», – сказал о романе «Дети мои» участник литературной студии Дмитрий Сергеев во время обсуждения. Звучит парадоксально, потому что «слишком хорошей» литературы не бывает, слишком хорошая – это уже выдающаяся. Но книга эта, без сомнения, очень щедрая (по выражению литературного критика и издателя Александра Гаврилова, хотя он сказал это о другом

Это роман, где каждая строка говорит о художественной литературной работе, так что с художественной точки зрения «Дети мои» сильнее национальной «Зулейхи».

«Дети мои» – это проза, которую не прочитаешь одним вздохом. Этот текст нужно смаковать, как сливочное мороженое из натурального молока. Первый раз я читал «Зулейху открытыми глазами» читается легче в силу его сюжетности, «сценарности» и фотографичности. «Дети мои» – это роман сюжетов, описаний, размышлений, глубины. Кроме того, это образец «магического реализма», который давно завоевал популярность и, кажется, ее не теряет. В этом смысле «Дети мои» действительно напоминают «Сто лет одиночества». Колония Гнаденталь у Яхиной и Макондо у Маркеса – в них есть общее: и там и там природа и люди ведут себя странно, но эти странности так естественно вплетены в событийный, документальный контекст, что этические события воспринимаются как часть реальной жизни. Так написан знаменитый «Альтист Гнаденталь», а еще раньше – «Мастер и Маргарита».

Возможно, именно по этой причине «Дети мои» (на крайней мере, в зачине) напоминает другой магический-реалистический роман – «Лавр» Евгения Водолазкина. Жизнь Арсения из «Лавра» (и, соответственно, роман) делится на четыре части, когда он был целителем, юродивым, паломником и отшельником. Но описание жизни Яакова Баха, главного героя романа «Дети мои», тоже имеет пентадицию, связанную с конкретными людьми, важными для него на каждом этапе жизни (главы «Беня», «Дочь», «Ученик», «Сын», «Дети»). Бах тоже был отчасти и юродивым, и отшельником, вот только паломником не был, все время прожил в колонии немцев Гнаденталь, затем на хуторе на другом берегу Волги.

Я бы определил эту книгу как роман-столкновение: столкновение Баха с обществом, с женщиной, ее смертью, с ребенком, с Волгой, с советской властью в лице парторга Гофмана. Волга в романе – это самостоятельный герой, чудесная стихия – и добрая, и норовистая. В конце романа Волга – это магический подводный мир, который все помнит и все хранит. Бах хотел бы слиться с миром, но вынужден ему противостоять, приспособливаться к драматическим переменам.

«Дети мои» – магический роман, написанный на основе реальной истории поволжских немцев, их быта и их самобытности, истории коллективизации, упадка и репрессий против малого народа. Всё это рассказано не напрямую, а глазами Баха, живущего на хуторе – сначала с женой, потом, после ее смерти, с дочерью. Бах занят физическим выживанием, его время определяется природными циклами, он оторван на своем хуторе от внешней жизни, он лишь иногда по необходимости соприкасается с ней, с враждебным внешним миром, чтобы обнаружить, что там происходит нечто невероятное и труднообъяснимое.

Роман неимоверно плотный, густой, поэтичный, сказочный, мистический. Но это благодарное, развивающее чтение. Второй роман оказался ничуть не слабее первого, а во многом даже сильнее, и это большая победа автора.

Дмитрий Сергеев расширяет в своем комментарии тему магического реализма, говоря, что стиль этот прочно завоевал умы и сердца, но сделал это как-то незаметно. «Если постмодернизм шёл парадным шагом под фанфары, то магический реализм проник тихо, маскируясь под что-то несерёзное, сказочное. Родоначальником стиля, как правило, называют Маркеса и его «Сто лет одиночества». Магический реализм – это новая сказка, новое мифологическое сознание. Если постмодернизм возник как интеллектуальная игра, то магический реализм – реакция не игровая, серьёзная, но возникла она по той же причине, что и постмодернизм: от неспособности и, возможно, даже от нежеланияrationально подходить к миру, событиям в мире. И поэтому художник, писатель начинает заниматься мифотворчеством. А для этого годится всё: соседские сплетни, восприятие природы, столкновение с властью. Яхина создала потрясающий миф и название у него прекрасное – «Дети мои». Вроде бы, она берёт реальное историческое время и реальное место, город на Волге, но предлагает восприятие от лица человека очень творческого, чувствующего, любящего. Бах, главный герой, по сути, понятия не имеет, что происходит в мире, но он видит и чувствует, и воспроизводит все так, как видит и чувствует. Получается миф, соединение реальности и сильного воображения – магический реализм».

